

зазывающих на совершение покупок, а в некоторых случаях втягивающих в еще большую зависимость. Вот лишь несколько характерных примеров.

«Не откладываем жизнь на завтра! Потребительский кредит можно оформить за 10 минут».

«Во всем мире кредит давно перестал быть просто банковской услугой. Это – *modus vivendi*, способ существования. В основе этого способа лежит простое решение: зачем откладывать на завтра жизнь, если можно отложить банковский платеж».

«Не откладывай свою жизнь на потом! Жизнь состоит из многих удовольствий, и одно из них – удовольствие пользоваться удобными и красивыми вещами. Вы уже решили, какой будет Ваша покупка? Нужная и полезная, или Вам приглянулось нечто особенное, о чем Вы давно мечтали? Конечно, можно месяцами копить деньги, пытаясь догнать растущие цены, и откладывать Вашу покупку на потом. А жизнь идет. Вы думаете, что делать с этой проблемой? Наша беспроигрышная лотерея поможет Вам!»

Данный феномен можно рассматривать с точки зрения социума (и таким образом с точки зрения какой-то политики государства даже, особенно что касается «северных» людей), но можно рассматривать и с точки зрения личностного развития индивида. Потому что каждый, в общем-то, проживает свою уникальную жизнь, и как он ее проживает – это зависит не только от обстоятельств, а в первую очередь от него.

Есть люди, которые выстраивают стратегию жизни, выстраивают жизнь свою по плану. Есть другие, которые живут безотчетно. И есть третьи, которые слушают и слышат жизнь. Самое главное – к чему вообще человек приходит в финале. Потому что самое трагичное – в финале узнать, что ты как бы проиграл свою жизнь. «Все в порядке – все не состоялось» – фактор, который не может быть рассмотрен как положительный для гармоничной личности.

1. Серкин В. П. Влияние сезонной работы на образы жизни и образы мира членов семьи // Образ мира и образ жизни. Магадан : Изд-во СМУ, 2005. С. 140–149.

2. Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // *Alma mater*. № 8. 1999. С. 54–56.

3. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) // Структуры и функции образа мира в практической деятельности. М : Ф-т психологии МГУ, 2005. С. 214–220.

4. Франселла Ф., Баннистер Д. Ф. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам: Пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Ю. М. Забродина и В. И. Похилько. М. : Прогресс, 1987. 236 с.

Е. Г. Лобков

НЕКОТОРЫЕ НАХОДКИ ПТИЦ НА ОСТРОВЕ МАТУА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КАМЧАТСКО-КУРИЛЬСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2009–2010 гг.

Для каждого из Курильских островов до сих пор, к сожалению, не опубликовано полных инвентаризационных авифаунистических обзоров аннотированного характера. И это при том, что фаунистические сводки с большей или меньшей детальностью для птиц всей Курильской гряды публиковались уже не один раз (13, 14, 12), в том числе для Курильских островов как части территории Сахалинской области (6, 8). Единственная группа птиц, инвентаризация видов и поселений которых сравнительно полно сделана практически для всех Курильских островов, – это морские колониальные птицы (самые обстоятельные обзоры: Велижанин, 1971; 1972; 1978; Артюхин и др., 2001). Это неудивительно, так как Курильские острова и прилегающая акватория – один из важнейших регионов обитания морских колониальных птиц в Северной Пацифике, здесь на берегах островов и в прикурильских водах сосредоточены миллионы особей этих птиц.

Однако морские колониальные виды – не единственная группа птиц, населяющих Курильские острова. Не менее интересны и важны птицы, обитающие на суше. Но степень их изученности на многих Курильских островах (особенно сравнительно небольших, расположенных в средней части Курильской гряды) крайне низкая. Для ряда островов данных вообще нет. Для островов северной части Курильской гряды существующие обзоры (10, 4) значительно устарели, о чем свидетельствует большой объем новой информации, собранной нами в последние годы на островах Парамушир и Шумшу, в том числе с участием жителей г. Северо-Курильска. Отсутствие полных современных авифаунистических обзоров (всех вместе – водных, околородных и наземных птиц)

для каждого из островов – существенный недостаток в орнитологических исследованиях, который затрудняет мониторинг динамики границ распространения птиц вдоль Курильской гряды. А, как выясняется, динамичность этих границ в наше время весьма велика и, судя по всему, имеет тенденцию к увеличению.

Почему важно знать видовой состав и характер обитания птиц для каждого из островов в целях мониторинга? Дело в том, что согласно общепринятому зоогеографическому районированию (11), на Курильских островах контактируют авифаунистические комплексы Китайско-Гималайской и Сибирско-Европейской подобластей Палеарктики. Переходная зона между ними приходится на острова средней части Курильской гряды. На этом основании часть Курильской гряды от прол. Бус-соль (от о. Симушир) на юге до Четвертого Курильского пролива (до о-вов Онекотан и Маканруши) на севере выделяется в отдельный Средне-Курильский зоогеографический округ, где как раз проходят южные границы некоторых «северных» видов и северные границы – «южных» видов птиц (8). Подвижки в границах распространения птиц могут стать основанием для корректив границ зоогеографического районирования. С таким феноменом мы уже сталкиваемся в разных районах планеты. Действительно, и в районе Курильских островов у многих видов птиц в последние десятилетия широтные пределы залетов, границы гнездовых ареалов и состояние популяций претерпевают изменения вслед за динамикой природных (в том числе, климатических) условий. Масштабы этих изменений таковы, что в недалеком будущем можно ожидать корректив в существующих представлениях о границах орнитогеографического районирования и в этом регионе.

Все более становится очевидным, что Курильские острова и Прикурильские воды – один из важных индикаторных регионов в Северной Пацифике, в границах которого наглядно видны векторы многолетней динамики морских и приморских фаунистических комплексов. В современную эпоху быстрых и широкомасштабных изменений в природной среде мониторинг динамики фаунистических комплексов приобретает особую актуальность. Периодическая инвентаризация птиц на каждом из островов – доступный и важный метод такого мониторинга на Курильских островах.

В отношении птиц многолетний мониторинг на Курильских островах будет объективным и наиболее информативным при условии, если для каждого острова без исключения будут составлены (в качестве точки отсчета) современные авифаунистические обзоры. Особенно важно такую работу провести на островах средней и северной части гряды, поскольку они изучены заметно хуже в сравнении с южными Курильскими островами. Действительно, сейчас, найдя какой-то новый (не указанный в существующих публикациях) вид птиц на каком-то из островов, например, в средней части Курильской гряды, не всегда можно сказать с уверенностью – впервые ли он появился на этом острове, или его присутствие было здесь и ранее, да о нем просто не знали. Такая ситуация никак не может удовлетворять современному уровню научных орнитологических исследований. Конечно, следует сознавать, что регулярное и обстоятельное орнитологическое обследование островов вдоль всей гряды сдерживается их труднодоступностью и дороговизной организации экспедиций.

Хорошим примером тому, насколько могут оказаться интересными и неожиданными находки птиц на небольших и недостаточно изученных островах даже при попутных (неспециальных) наблюдениях, является о. Матуа, куда в 2008–2013 гг. были организованы краеведческие экспедиции с Камчатки. Матуа – один из островов в средней части Курильской гряды. На острове и возле него неоднократно бывали орнитологи, остров неоднократно упоминается в отношении разных видов птиц в основных фаунистических обзорах птиц Курильских островов, но полного, тем более современного авифаунистического обзора для этого острова нет.

По результатам поездок на Матуа в 2009–2010 гг. ее организаторы и участники И. В. Витер и Е. М. Верещага передали мне более 300 фотографий. Большая их часть посвящена ландшафтному облику и фоновым биотопам острова, но на 127 фотографиях были птицы. По этим фотографиям установлено 23 вида птиц, преимущественно наземных. Для минимум 8 из них информация о находках на о. Матуа так или иначе дополняет существующие представления об их распространении и характере обитания на Курильских островах. В 2009 г. участники экспедиции находились на о. Матуа с 19 августа по 25 сентября; в 2010 г. они были там дважды: с 27 мая по 22 июня и затем с 9 по 30 августа. Их лагерь был организован на восточном берегу острова.

Ниже приведен аннотированный обзор установленных по фотографиям видов птиц. Настоящее сообщение – первый шаг в обработке многочисленных фотографий участников экспедиций. Нами просмотрена лишь небольшая часть их фототеки, и не исключено, что с обработкой других снимков будут установлены новые находки птиц.

**Аннотированный список видов птиц с о. Матуа, определенный по фотографиям
И. В. Витер и Е. М. Верещаги**

1. Глупыш – *Fulmarus glacialis*. В августе 2009 г. гнезда с крупными птенцами в пуху в нишах и на уступах среди травы на каменистом берегу острова. Фото И. В. Витер. Как известно (1), на о. Матуа обитают многие тысячи глупышей.

2. Баклан – *Phalacrocorax sp.* В августе 2010 г. гнездо с 2 большими птенцами. Фото И. В. Витер. На Матуа известны берингов (*Ph. pelagicus*) и краснолицый (*Ph. urile*) бакланы (1). Какому из этих видов принадлежит сфотографированное гнездо, определить точно не смогли, но, скорее всего, это берингов баклан.

3. Каменушка – *Histrionicus histrionicus*. Стая из 5 молодых (линяющих) особей у берега острова в конце августа 2010 г. Фото Е. М. Верещаги. Конечно, птицы могли откочевать сюда с других островов. Но поскольку каменушка известна в качестве гнездящегося вида на Парамушире, Итурупе, возможно Кунашире (8), не исключено, что она размножается и на каменистых участках побережья о. Матуа.

4. Зимняк – *Buteo lagopus*. Неоднократно был отмечен вдоль берегов острова. Птица, сфотографированная в августе 2010 г. И. В. Витер и Е. М. Верещагой (сидящая на берегу и в полете), – типичная *B. l. kamtschatkensis*. Находка, конечно, не доказывает размножения этого вида на о. Матуа, но свидетельствует о его возможности. Вероятно, ареал зимняка не ограничен Северными Курилами, как это считается (Там же), но простирается южнее.

5. Восточный хохлатый орел – *Spizaetus nipalensis*. Останки погибшей особи (она погибла явно в текущем сезоне) найдены 18 июня 2010 г. Видовую принадлежность птицы по фотографии И. В. Витер установил по нашей просьбе В. А. Нечаев. Остров Матуа – самый северный залет вида. Его ареал лежит в Гималаях, Индии, Китае и Японии. Краем ареала заходит на юг Приморского края, залеты зарегистрированы также на Южном Сахалине и о. Кунашир (8, 9).

6. Сапсан – *Falco peregrines*. Одиночная птица в полете в июне 2010 г. Фото И. В. Витер. Находка подтверждает мнение о том, что сапсан широко распространен на Курильских островах.

7. Кулик-воробей – *Calidris minuta*. Этот вид, населяющий субарктические тундры Евразии, – сравнительно нечастый мигрант на побережьях дальневосточных морей России. На Курильских островах ранее не отмечался. На о. Матуа одиночная птица (определенно – мигрант) отмечена 23 августа 2010 г. на песчаном морском пляже на удалении от линии прилива вблизи границы растительности. Фото Е. М. Верещаги.

8. Тихоокеанская чайка – *Larus schistisagus*. Как известно (1), птицы этого вида размножаются, но сравнительно малочисленны на о. Матуа. Десятки особей на воде у берегов острова и на приморских лугах возвышенных террас отмечались участниками экспедиции в течение всего времени пребывания на острове. В июне 2010 г. сфотографированы гнезда с кладками по 2–3 яйца на крупных береговых камнях и на скалистых склонах. Фото И. В. Витер.

9. Моевка – *Rissa tridactyla*. На фотографиях морских птиц, летающих над прибрежными водами и сидящих на воде (фото В. И. Витер), можно различить и чаек этого вида. Как известно (1), моевка – вполне обычный вид на о. Матуа.

10. Малая конюга – *Aethia pygmaea*. В июне 2010 г. сфотографирована взрослая птица на гнезде с кладкой (1 яйцо) в расщелине (в норе) на берегу острова (фото И. В. Витер). А. Г. Велижанин (2) в 1963 г. оценил численность этого вида на острове Матуа в 50 тыс. особей. Удивительно, но в 2000 г. Ю. Б. Артюхин с коллегами (Артюхин и др., 2001) лишь отметили присутствие птиц этого вида на острове.

11. Топорок – *Lunda cirrhata*. Сравнительно немногочисленный вид о. Матуа (1). В июне 2010 г. взрослых птиц на воде у берегов участники экспедиции наблюдали и фотографировали неоднократно. Фото И. В. Витер.

12. Большая горлица – *Streptopelia orientalis*. Неоднократные встречи и наблюдения за одиночными птицами на дороге среди зарослей ольхового стланика (*Alnus fruticosa*) в июне 2010 и 2011 гг. Есть многочисленные фотографии И. В. Витер и Е. М. Верещаги. Размножение этого вида до сих пор известно к северу лишь до о. Симушир (8). Регулярность наблюдений этого вида в течение двух сезонов подряд может с большой долей вероятности свидетельствовать не только о залетах, но о возможности размножения большой горлицы на о. Матуа.

13. Глухая кукушка – *Cuculus saturates*. В конце августа 2009 г. И. В. Витер сфотографировала молодую, недавно покинувшую гнездо птицу на ветке ольхового стланика.

14. Гольцовый конек – *Anthus rubescens*. В июне 2010 г. взрослую птицу (*A. r. japonicus*), вероятно, больную или травмированную, поймали и сфотографировали вблизи лагеря. Фото И. В. Витер.

15. Камчатская трясогузка – *Motacilla (alba) lugens*. В июне 2010 г. гнездо в заброшенном строении. Фото Е. М. Верещаги.

16. Ворон – *Corvus corax*. Регулярные встречи вдоль побережий острова. Фото И. В. Витер и Е. М. Верещаги.

17. Японская мухоловка – *Ficedula narcissina*. Скорее всего, залетную птицу этого вида, кормившуюся на ветвях ольхового стланика и в котловане с сырой землей, удалось сфотографировать И. В. Витер в июне 2010 г. Вообще же этот вид гнездится в южных и центральных районах о. Сахалина и на южных островах Курильской гряды к северу до Итурупа (8).

18. Соловей-красношейка – *Luscinia calliope*. В июне 2009 г. поющий самец на вершине ветви ольхового стланика и затем еще один самец крупно в кустах. Фото И. В. Витер.

19. Китайская зеленушка – *Chloris sinica*. В июне 2010 г. взрослый самец на травянисто-кустарничковой тундре. Кроме того, мертвый самец с окраской, присущей северному подвиду *Ch. s. kawarahiba*. (Фото И. В. Витер).

20. Щур – *Pinicola enucleator*. Самка на вершине ольхового стланика, июнь 2010 г. Фото И. В. Витер. Можно было бы предполагать размножение щура на о. Матуа, но на этом острове нет зарослей кедрового стланика (*Pinus pumila*), которые являются важнейшим биотопом гнездования этого вида практически повсеместно на Дальнем Востоке России. Участники краеведческих экспедиций нашли на Матуа лишь единичные крошечные низкорослые кустики кедрача. Доминирует здесь ольховый стланик. Потому, возможно, это лишь залет щура.

21. Уссурийский снегирь – *Pyrrhula griseiventris*. В конце августа 2009 г. в лагере участников экспедиции среди зарослей ольхового стланика несколько дней постоянно держался выводок из 4 молодых особей. Одного из них, неуверенно летавшего, поймали и сфотографировали (фото И. В. Витер). Окраска позволяет определить его как *P.g. griseiventris*. В опубликованном кратком сообщении об этой находке (7) допущена опечатка: сроки пребывания экспедиции ошибочно указаны с 19 по 25 сентября 2009 г. (следует читать: с 19 августа по 25 сентября). Считается (9), что ареал вида вдоль Курильских островов с юга достигает о. Симушира и, может быть, о-вов Кетой и Ушишир. Остров Матуа – новая, чуть более северная точка размножения вида.

22. Дубонос – *Coccothraustes coccothraustes*. Нелетный птенец (слеток) в августе 2010 г. Фото Е. М. Верещаги. Новая точка в ареале размножения вида. До сих пор было известно, что этот вид гнездится на Южных Курильских островах к северу до Итурупа (Нечаев, 2005) и, возможно, на Парамушире (9). На самом деле, судя по всему, его распространение вдоль Курильской гряды более равномерное, поскольку у нас есть фотография, действительно подтверждающая размножение дубоноса на о. Парамушире (выводок молодых из 4–5 особей в конце июля – начале августа 2010 г., фото Н. Е. Колотилина), а теперь вот и на о. Матуа.

23. Сизая овсянка – *Ocyris variabilis*. Взрослый самец на дороге среди зарослей ольхового стланика 13 июня 2010 г. (Фото И. В. Витер).

Выражаю искреннюю признательность д. б. н., одному из ведущих орнитологов Дальнего Востока России Виталию Андреевичу Нечаеву (Биолого-почвенный институт ДВО РАН, г. Владивосток) за помощь в определении восточного хохлатого орла.

1. Артюхин Ю. Б., Трухин А. М., Корнев С. И., Пуртов С. Ю. Кадастр колоний морских птиц Курильских островов // Биология и охрана птиц Камчатки. Вып. 3. 2001. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы. С. 3–59.

2. Велижанин А. Г. Морские колониальные птицы Курильских островов. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск. 1971. С. 1–249.

3. Велижанин А. Г. Морские колониальные птицы Курильских островов // Автореф. Дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск : Биологический институт СО АН СССР, 1972. С. 1–28.

4. Велижанин А. Г. Обзор птиц Северных Курильских островов // Фауна Сибири. Ч. 2 (Тр. Биолог. ин-та СО АН СССР. Вып 16). Новосибирск : Наука, 1973. С. 234–259.

5. Велижанин А. Г. Размещение и состояние численности колоний морских птиц на Дальнем Востоке // Актуальные вопросы охраны природы на Дальнем Востоке. Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1978. С. 154–173.

6. Гизенко А. И. Птицы Сахалинской области. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 1–328.

7. Лобков Е. Г. Уссурийский снегирь на острове Матуа, Курильские острова // Орнитология, вып. 36. М. : Изд-во МГУ, 2011. С. 202.

8. Нечаев В. А. Обзор фауны птиц (Aves) Сахалинской области // Растительный и животный мир острова Сахалин (материалы Международного сахалинского проекта). Ч. 2. Владивосток : Дальнаука, 2005. С. 246–327.
9. Нечаев В. А., Гамова Т. В. Птицы Дальнего Востока России. Аннотированный каталог. Владивосток : Дальнаука, 2009. С. 1–564.
10. Подковыркин Б. А. Список птиц северной части Курильской гряды // Зоол. журн. Т. 34. Вып. 6. 1955. С. 1379–1385.
11. Портенко Л. А. Орнитогеографическое районирование территории СССР // Фаунистика и экология животных. М. ; Л. : Наука, 1965. С. 61–66. (Тр. Зоолог. ин-та АН СССР. Т. 35).
12. Bergman S. Zur Kenntnis Nordostasiatischer Vogel. Ein Beitrag zur Systematik, Biologie und Verbreitung Kamtschatkas und der Kurilen. Stockholm. 1935. S. 1–268.
13. Uchida S. A list of the birds of the Kurile Islands // Doubutsu. Zasshi. 1912. N. 24. P. 270–280.
14. Yamashina Y. Die Vogel der Kurilen // Journ. für Ornithol, Jg. 79, 1931. H. 4. S. 491–541.

А. В. Ляшук
ВАСИЛИЙ ВЛАСЬЕВИЧ ПЕРФИЛЬЕВ:
СЕМЬЯ И СЛУЖБА

Василий Власьевич родился в 1865 г. в станице Мангут в семье урядника Забайкальского казачьего войска Власа Васильевича и Акулины Фил. (так в документе, точное отчество неизвестно. – А. Л.) Перфильевых. Его дальнейшая жизнь – непрерывный труд, приведший мальчика из казачьей станицы на пост губернатора Камчатской области. После окончания Иркутской мужской гимназии (в Иркутске жили родители отца) Василий Власьевич поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. В 1888 г. В. В. Перфильев завершил обучение в университете и поступил в Петербургскую военно-медицинскую академию. Историк Б. П. Полевой уточняет, что Василий Власьевич был отправлен в Санкт-Петербург «на особые курсы при Военно-медицинской академии» после призыва в армию. Окончив Академию в 1893 г., Перфильев был определен на службу в пехотный резервный Остроусский полк, однако через месяц переведен в Приамурский военный округ врачом для командировок окружного военно-медицинского управления (1, с. 132).

Во время учебы в Санкт-Петербурге В. В. Перфильев стал семейным человеком. Его супруга – Анна Дмитриевна Смирнова родилась в Рязани в 1868 г., в Петербурге получила образование акушерки. 9 марта 1891 г. родился их первенец (2). Назвав сына Борисом, молодые родители решили, видимо, изменить своеобразной семейной «именной» традиции (отец Василия Власьевича – Влас Васильевич, дед и бабушка – Василий Сергеевич и Наталья Власьевна). Через два года у Василия и Анны Перфильевых родилась дочь Вера, затем еще два сына – Владимир и Виктор.

Поселившийся в 1893 г. с семьей в Хабаровске, Василий Власьевич активно занимался врачебной практикой, общественной деятельностью и благотворительностью. В 1897 г. В. В. Перфильев был принят на административную службу – назначен исполняющим обязанности делопроизводителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Умный и энергичный сотрудник неоднократно выполнял специальные поручения: Василий Власьевич посещал Северную Маньчжурию с целью выяснения условий заселения придорожной полосы вдоль КВЖД. Возглавлял в 1902 г. Хабаровскую санитарно-исполнительную комиссию во время эпидемии холеры. В 1903 г. был командирован в Забайкальскую область для разработки наиболее оптимальных мер по введению Временного положения об административном устройстве и суде кочевых инородцев. Кроме того, на службе пригодились и медицинские знания Перфильева, дважды его отправляли в командировки в Китай: во время «боксерского» восстания и Русско-японской войны. В 1904 г. Василий Власьевич Перфильев был назначен чиновником особых поручений V класса при Приамурском генерал-губернаторе (3, с. 167).

Помимо служебной, В. В. Перфильев активно занимался и общественной деятельностью. Его энергия удивляет. Создается впечатление, что этот человек ни то что дня – ни часа своей жизни не мог провести в праздности. В период с 1894 по 1900 г. Василий Власьевич являлся директором Николаевской публичной библиотеки в Хабаровске (на общественных началах и без вознаграждения!). За время своей работы на этом поприще Перфильев разработал основные документы о деятельности библиотеки («Положение...», «Правила пользования...», «Инструкцию к заведыванию...» и др.); ввел научную расстановку и учет фонда. Изучая интересы своих читателей, рассылал местной интеллигенции опросные листы. Жертвовал собственные деньги на приобретение новой